

СООБЩЕНИЯ

DOI 10.15826/vopr_onom.2019.16.4.053
УДК 811. 512.3'373.21 + 632/635(517.4)

Е. В. Сундуева
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия

ФИТОТОПОНИМЫ БАРГУТОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ*

В статье рассматриваются названия растений, функционирующие в роли главного компонента географических названий, представленных в топонимии Новобаргутского Восточного, Новобаргутского Западного и Старобаргутского хошунов городского округа Хулун-Буир, расположенного на северо-востоке автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики. Рассматривая внутреннюю форму фитонимов, входящих в состав топонимов, автор приходит к выводу о том, что зрительное восприятие растений играет ведущую роль в процессе их обозначения. Так, ковыль и осока были названы благодаря торчащим и длинным стеблям, ива — благодаря кудрявой кроне, а карагана — за острые колючки. Выявлен узколокальный гидрографический термин *үет* 'озерко', возникший от названия растения *үет* 'бескильница тонкоцветная' в результате метафорического переноса по смежности. Баргутский орографический термин *хургалж* 'укрытая от ветра впадина' является омонимом названия растения *хургалж* 'полевичка малая'. Слова восходят к разным этимонам: орографический термин связан с глаголом **qur y-* 'скрываться, прятаться', в то время как фитоним восходит к образному корню *qur y 'нечто длинное, вытянутое'. Установлено, что фитонимы, отмечаемые в составе топонимов в качестве главных компонентов, в большинстве случаев обозначают лесные массивы или заросли растения, обозначенного основой. Исключением является слово *хайлаас* 'вяз' — оно номинирует отдельно стоящее дерево. Считается, что такие деревья имеют своих духов или хозяев, в связи с чем, как правило, служат объектами почитания,

---

* Исследование выполнено в рамках государственного задания (проект XII.193.1.5. «Ментальность монгольских народов в зеркале языка», номер госрегистрации АААА-А17-117021310266-8).

© Сундуева Е. В., 2019

о которых в баргутском фольклоре сложено немало топонимических легенд и преданий. Исследование фитонимов в топонимии открывает возможности для реконструкции процессов расселения монгольских народов северо-востока Китая, преобразования ими геосистемы, формирования образа материально и духовно освоенного пространства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: монгольские языки, баргуты, фитонимия, топонимия, детерминатив, номинация, мотивационный признак.

Вводные замечания

Данная статья написана по результатам экспедиций 2015–2018 гг. в три хошуна компактного проживания «старых» и «новых» баргутов¹: Новобаргутский Восточный хошун (*Шинэ барга зуун хошуун*), Новобаргутский Западный хошун (*Шинэ барга баруун хошуун*), Старобаргутский хошун (*Хуучин барга хошуун*). Все они относятся к городскому округу Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия КНР.

Как пишет Б. Р. Зориктуев, несмотря на присутствие в названиях «старых» и «новых» баргутов слова *барга*, единого целого до прихода в Хулун-Буир они не представляли. Предками «старых» баргутов была возглавлявшаяся вождями — эльтеберами и иркинами — общность *байырку*, занимавшая видное место в составе тюркского племенного объединения *теле*; «новые» же баргуты были раньше частью племенной группы *хори*, которая сейчас проживает в Забайкалье, являясь одной из основных этнических групп бурятского народа [Зориктуев, 2018, 106].

Фонетика и грамматика языка «старых» и «новых» баргутов были исследованы Э. В. Афанасьевой в сопоставлении с бурятским языком. Автором установлена связь языка «старых» баргутов с баргузинским и байкало-кударинским говором, а языка «новых» баргутов — с хоринским говором бурятского языка [Афанасьева, 2006].

В ходе экспедиций автора этой статьи был собран топонимический материал, включающий около 6 500 единиц. В составе большинства сложных топонимов (78 %) отражены апеллятивы, обозначающие различные объекты ландшафта, — в том числе 47 орографических и 22 гидрографических термина. Результаты связанной с ними исследовательской работы были опубликованы в [Сундуева, 2015; 2017; и др.].

В данной статье внимание обращается на баргутские топонимы, которые в качестве главного компонента содержат названия растений. Количество таких топонимов невелико (около 2 % общего числа), однако они имеют важное значение для понимания мировидения баргутов.

---

¹ Хошун — административно-территориальная единица автономного района Внутренняя Монголия КНР.

Результаты исследования

Наиболее распространенным названием растения, выступающим главным компонентом сложных топонимов трех баргутских хошунов, является лексема *дэрс*: п.-монг. *deresü(n)* [Kowalewski, 1849, 1769], монг. *дэрс*, бурят. *дэрһэн* ‘ковыль блестящий, чий’, калм. *дерсн*, ойр. Синьцз. *дерсен* ‘чакан (дикий)’. Обилие названий, содержащих данное слово, связано с тем, что ковыль по праву считается «строителем» степей, он воспет в народных песнях.

Лексема *дэрс* возникла на основе зрительного восприятия длинных перистых остей растения, о чем свидетельствуют однокоренные образные слова: п.-монг. *dereger*, монг. *дэргэр*, бурят. *дэрэгэр*, калм. *дергр* ‘высохший и торчащий; лохматый, взьерошенный’; п.-монг. *dereyi-*, монг. *дэрий-* ‘торчать; взьерошиться’ и др.

Из 65 ономастических единиц 44 (67 %) составляют названия с зависимым компонентом — существительным или прилагательным в форме род. п., указывающим на расположение близ другого географического объекта: *Өгөөмөрийн дэрс* «Ковыли у колодца», *Хуурай сувагийн дэрс* «Ковыли сухой балки», *Шорвогийн дэрс* «Ковыли у соленого озера» и др. Та же самая функция у зависимого существительного в форме им. п. (17 %): *Булан дэрс* «Ковыли во впадине», *Далан дэрс* «Ковыли на увале», *Дов дэрс* «Ковыли на холме» и др. Во втором примере *далан* выступает не как числительное *далан* ‘семьдесят’, несмотря на его представленность в топонимии монгольских народов, а в качестве географического термина *далан* ‘невысокие холмы; возвышенность в виде увала’, о чем можно судить по характеристике топонима в [Vangčïn, 2015, 288]: «нуруулиг далан дагуу ургасан их дэрс» <заросли ковыля, растущие вдоль вытянутого увала>. Остальная часть (16 %) представлена названиями с зависимым компонентом — прилагательным, указывающим на тот или иной признак объекта: *Нарин дэрс* «Узкий ковыльник», *Өвөр дэрс* «Южный ковыльник», *Эрээн дэрс* «Пестрый ковыльник» и т. п. Половину таких топонимов составляют названия с цветообозначением *цагаан* ‘белый’, например *Ямаатын цагаан дэрс* «Белые ковыли у [горы] с козами».

В наших материалах зафиксировано 20 названий с главным компонентом — существительным *нарс*: п.-монг. *parasu* [Kowalewski, 1849, 622], монг. *нарса(н)*, бурят. *нарһан*, ойр. Синьцз. *нарсан*, орд. *parasu*, даг. *nars, narsu, narese* [EDAL, 973] ‘сосна; пихта’. Н. Н. Поппе выделяет в качестве производящей основы фитонима существительное *нар* ‘солнце’ [Porre, 1981, 388]. По мнению Э. Р. Тенишева, к.-балк., кум., тат., башк. *narat* ‘сосна’ заимствовано из монгольских языков [СИГТЯ, 133].

Следует отметить, что существительное *нарс* ‘сосна’ в сложных топонимах, как правило, обозначает небольшой сосновый бор, именуемый в языке баргутов словами *хэсэг нарс*, *бөөм нарс*, *хэсэг бөөм нарс* — букв. «группа сосен»: *Ар булгийн нарс* «Сосняк у северного родника», *Харганын нарс* «Сосняк у [озера] с караганой». Помимо тех же частей речи, что и в случае с фитонимом *дэрс*, в качестве

зависимого топонимического компонента встречаются числительные *таван* ‘пять’ и *арван* ‘десять’, указывающие на реальное количество объектов: *Таван нарс* «Пять сосен», *Арван нарс* «Десять сосен». Представлены также топонимы со словами *ганц* ‘только один, единственный’ и *хоёр* ‘два’: *Ганц нарс* «Одинокая сосна»; при этом сам фитоним может опускаться: *Цувардагийн ганц* «Одинокая [сосна] у невысыхающего [родника]», *Жаргалын ганц* «Одинокая [сосна] Жаргала», *Цомийн хоёр* «Две [сосны, похожие на] кубок».

Третьим по частотности является фитоним, соотносимый с п.-монг. *qayilasu* [Kowalewski, 1849, 709], монг. *хайлаас*, бурят. *хайлахан* ‘ильм приземистый’ (18 топонимических единиц): *Ганц хайлаас* «Одинокий ильм», *Дунда гавын хайлаас* «Ильм среднего ущелья», *Рашааны зуун хойд хайлаас* «Северо-восточный ильм у минерального источника». Наблюдения показали, что эти названия, как правило, указывают на выделяющееся в пространстве одинокое дерево, зачастую объект поклонения. Об одном таком дереве — *Шанлу хайлаас*, растущем на южном склоне горы Харгантай, — записана следующая легенда: «Однажды табунщик Дэмбрэл из рода харгана первого сомона истинно белого знамени спускался по южной стороне Харгантая, как вдруг лошадь, сбросив его, умчалась прочь. Оставшись без коня в безлюдной местности, голодный табунщик шел, выбиваясь из сил. Вспомнив о находящемся поблизости ильме Шанлу, он из последних сил добрался до него и помолился, взывая о помощи. Когда он сидел в тени дерева, немного набираясь сил, неожиданно появилась его лошадь, таща за собой повода. Впоследствии Дэмбрэл говорил, что добрался живым до дома только благодаря тому, что помолился ильму Шанлу» (записано от Пунсагванжила, 1939 г. р., род *хальбин*, в г. Амгалан Новобаргутского Восточного хошуна городского округа Хулун-Буир АРВМ КНР 13 июля 2015 г.).

Также в топонимии баргутов встречается фитоним, соотносящийся с п.-монг. *burγasu* [Kowalewski, 1849, 1221], монг. *бургас*, *бургаас*, калм. *бурхсн* ‘ива, верба’, бурят. *бургахан*, орд. *burGasu*, даг. *bargās*, *baregase*, монгол. *burGāsə* [EDAL, 1096] ‘ива, верба; ивняк, тальник’, а также монг. *улаан бургас* ‘красная верба, желтолозник’. Корень **bury* близок образному корню **burj*: п.-монг. *burjīyar* [Lessing, 1960, 140], монг. *буржгар*, бурят. *буржагар*, калм. *буржр* ‘курчавый, волнистый, завитой’. Возможно, номинация обусловлена внешним видом ивы: ее тонкие ветви и побеги образуют кудрявую, ажурную крону. Интересна славянская типологическая параллель — как отмечает Е. М. Маркова, общеслав. *ива* (чеш. *jíva*, польск. *iwa*, болг. *ива* ‘вид горной вербы’) происходит от глагола *вить*, что характеризует форму ветвей дерева; фитоним *верба*, представляющий собой суффиксальное производное от глагола *вертеть* в значении ‘гнуть, вить’, также подчеркивает гибкость ветвей дерева [см.: Маркова, 2008, 40]. Анализ сложных топонимов с главным компонентом *бургас* показал, что эта лексема указывает не на отдельное дерево, а на ивняк. Это подтверждается тем, что в толковании топонимов информантами используются словосочетания *их бургас* ‘много ив’,

бөөм бургас ‘заросли ивы’, *хэсэг жирээ бургас* ‘полоса ив’. Например, *Хар бургас* «Черный ивняк» — это заросли ивы, простирающиеся с запада на восток на 6 км.

В халха-монгольском языке *өлөн* имеет как конкретное, так и общее значение ‘осока обыкновенная; густая трава’; в бурятском языке *үлэн* ‘бескильница тонкоцветная’, в то время как в словаре О. М. Ковалевского п.-монг. *öliing* имеет только обобщающий смысл: ‘густая трава, мурава’ [Kowalewski, 1849, 529], то же находим в «Ордосско-французском словаре»: орд. *ölöŋ* ‘густая трава’ [Mostaert, 2009, 531]. Данный фитоним, равно как и монг. *өлөнгө* ‘волоснец сибирский’, монг. *өлөнцөр* ‘ожика’, возможно, связан с образным корнем *öl ‘нечто длинное, вытянутое’, давшим монг. *өлгөр* ‘поднимающий голову вверх; с задранной кверху головой’, *өлий-* ‘вытягивать шею; задирать голову; поднимать голову’, а также п.-монг. *öliŋje-* ‘поднимать вверх голову (о лошади)’ [Kowalewski, 1849, 525], монг. *өлбөлз-* ‘высматривать, искать, вытягивая шею’, калм. *өлглз-* ‘задирать голову вверх; поднимать голову’; те же признаки ‘длинный и тонкий’, вероятно, отразились в анатомическом термине *өлөн гэдэс* ‘тонкая кишка’. Слово представлено в баргутских сложных топонимах: *Бурдний шар өлөн* «Желтая осока у криницы», *Зүүн өлөн* «Восточные заросли осоки», *Хэсэг өлөн* «Заросли осоки», *Шар өлөн* «Желтая осока» и др.

В п.-монг. *qarγana* [Kowalewski, 1849, 831], монг. *харгана*, бурят. *харгана*, *харганаан* ‘карагана’ корень *qar передает признак ‘острый’ и в некоторых фитонимах указывает на наличие колючек (ср.-монг. *qar* ‘гвоздь’) — прилистники караганы видоизменяются в шиловидные придатки, иногда в колючки. По мнению В. И. Рассадина, фитоним *qarγan-a* восходит к тюркскому названию акации [Рассадин, 2010, 36]. В тюркских языках представлены две формы — *қараган* и *қарағана* ‘желтая акация, карагана, золотарник’, первую из которых авторы [ЭСТЯ, 294] относят к производным от *қара* ‘черный’ (ср. башк. *қара ййләгі* ‘крушина’), вторую, судя по ауслатному *-a*, — к заимствованиям из монгольских языков. В баргутских географических названиях лексема обозначает заросли караганы: *Давхар харгана* «Двойной караганник», *Нарин харгана* «Узкий караганник», *Суул харгана* «Оконечность караганника».

В баргутской топонимии представлено по одному географическому названию с фитонимами, именующими камыш, крапиву, полынь и поташник: монг. *хулс* ‘камыш’ (*Шар хулс* «Желтый камыш»); *халгай* ‘крапива’ (*Хошуу халгай* — букв. «выступ + крапива»); *шаваг* ‘полынь полевая’ (*Хошуу шаваяг* — букв. «выступ + полынь»); *бударгана* ‘поташник, солянка’ (*бударгана* — букв. «выступ + поташник»). Главный компонент топонимов обозначает заросли растения, зависимый компонент *хошуу* ‘выступ, заостренная часть чего-л.’ указывает на клиновидную форму участка, на котором расположены заросли. Например, место, называемое *Хошуу халгай*, описывается следующим образом: «Энэ нь На уулаас зүүнш Хөлөн далайн хөвөөнд хошуурж ургасан их халгай болно» <‘Это большие заросли крапивы, растущие клином на берегу озера Хулун к востоку от горы На» [Vangčín, 2015, 592].

Примечательно функционирование в составе топонимов названия растения монг. *үет* 'бескильница тонкоцветная; шелковица', обитающего на солонцах, солончаках, солончаковых лугах. Эта лексема представляет собой результат субстантивации прилагательного монг. *үет* 'коленчатый, состоящий из звеньев'. В Новобаргутском Западном хошуне представлено 58 названий с компонентом *үет*, в то время как в Восточном хошуне они не зафиксированы вообще. По сведению одного из информантов, в языке баргутов лексема обозначает небольшой водоем со стоячей водой (записано от Дүүрэна, 1979 г. р., род *худай*, в г. Амгалан Новобаргутского Восточного хошуна городского округа Хулун-Буир АРВМ КНР 10 июля 2017 г.). Данное значение, очевидно, возникло благодаря метафорическому переносу по смежности. В таком случае топонимы с компонентом *үет* можно перевести следующим образом: *Дамдин ламын үет* «Озерко Дамдин-ламы», *Түнтгэр харын үет* «Озерко у выпуклого черного [холма]», *Хайртын үет* «Озерко любимой» и т. п.

Если в данном случае мы наблюдаем переход слова из сферы фитонимов в сферу детерминативов, то несколько иная картина наблюдается с лексемой *хургалж*, встречающейся в составе 82 баргутских сложных оронимов (*Хуурай хургалж* «Сухая впадина», *Худагт хургалж* «Впадина с колодцем» и др.). В халха-монгольском языке это слово называет растение 'полевичка малая', но в данном значении оно функционирует в составе лишь одного баргутского топонима *Жалгын хургалж* «Овражная полевичка» (в связи с тем, что в номинируемой местности обильно произрастает это однолетнее растение из семейства злаков). В остальных названиях *хургалж* представляет собой узколокальный, чисто баргутский, географический термин со значением 'укрытая от ветра впадина' [Vangčín, 2015, 55]. На наш взгляд, слово мотивировано глаголом: ср. монг. *хоргод-* 'укрываться, прятаться; находить убежище', бурят. *хоргол-* 'укрываться, прятаться'. По словообразовательной модели термин схож с существительным бурят. барг. *хорголжоо* 'прятки' (*хорголжоо наадаха* 'играть в прятки'), которое образовано от глагольной основы *хоргол-* посредством словообразовательного аффикса *-лжоо* с усечением конечного согласного *-л* в результате наложения морфов. Иными словами, название растения *хургалж* 'полевичка малая' и орографический термин *хургалж* 'впадина' восходят к разным этимонам.

Заключение

Таким образом, наиболее распространенными названиями растений в составе баргутских топонимов являются *дэрс* 'ковыль', *нарс* 'сосна', *хайлаас* 'ильм', *бургас* 'ива', *өлөн* 'осока' и *харгана* 'карагана'. И. А. Дамбуев, рассматривая 50 наиболее частотных бурятских топооснов в топонимии Республики Бурятия (в любой позиции), выявил названия таких растений, как *үлэн* 'бескильница тонкоцветная', *харгана* 'карагана', *хасуури* 'ель', *мойһон* 'черемуха' и *бургааһан*

‘ива; кустарник’. В русских топонимах, по его подсчетам, наиболее частотными являются *берёза, черёмуха, осина, черемша* и *сосна*. И. А. Дамбуев приходит к выводу, что выбор и частота употребления топооснов, обозначающих разные виды растений, обусловлены культурными особенностями русских и бурят [Дамбуев, 2017, 423]. По замечанию Г. С. Доржиевой, описание лексического разряда топонимов, происходящих от названий растений, отражает характерные черты национального мировосприятия, закрепляет в языке социально значимую культурно-историческую информацию о мире и человеке [Доржиева, 2011, 36].

Изучение внутренней формы монгольских фитонимов позволило выявить их мотивационные признаки, отражающие внешний вид растений. Это, в частности, торчащие длинные стебли (*дэрс, олон*), кудрявая крона (*бургаас*), колючки (*харгана*), что подтверждает значимость зрительного восприятия растений в процессе номинации. Рассмотрение баргутских двусложных топонимов показало, что большинство фитонимов в роли географических терминов обозначают местность, поросшую растением, обозначенным основой, и лишь *хайлаас* ‘вяз’ называет отдельное дерево. Формирование фитотопонимии, несомненно, обусловлено географическими и социальными условиями рассматриваемых хошунов.

Источники

- Kowalewski J. E.* Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan : Imprimerie de l'Université, 1849.
Lessing F. D. Mongolian-English Dictionary. Berkeley ; Los Angeles : Univ. of California Press, 1960.
Mostaert A. Dictionnaire Ordos. Ulaanbaatar : New Polygraph Co., Ltd., 2009.

Исследования

- Афанасьева Э. В.* Исторические связи бурятского и баргутского языков (на примере фонетики и грамматики). Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006.
Дамбуев И. А. Основные топоосновы в топонимии Бурятии (на материале русского и бурятского языков) // Мир Центральной Азии — 4 : сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск : Оттиск, 2017. С. 420–428.
Доржиева Г. С. Фитотопонимы Квебека: лингвокультурная характеристика // Вестн. Бурят. ун-та. 2011. № 11. С. 36–41.
Зориктуев Б. Р. Об образовании этноса *новые баргуты* на северо-востоке Китая // Oriental Studies. 2018. Vol. 35. № 1. P. 105–112.
Маркова Е. М. Праславянские названия деревьев как отражение фрагмента языковой картины мира славян // Acta Linguistica. 2008. Vol. 2. № 1. С. 37–45.
Рассадин В. И. Комплекс лексикиномадного скотоводства монгольских языков в свете тюркомонгольских языковых связей // Вопр. филологии. Сер. «Урало-алтайские исследования». 2010. № 1. С. 32–38.
 СИГТЯ — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Темишев. 2-е изд., доп. М. : Наука, 2001.
Сундуева Е. В. Названия форм отрицательного рельефа в языке баргутов северо-востока Китая // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2015. № 10 (1). С. 84–87.
Сундуева Е. В. Гидрографическая терминология в топонимии новых баргутов автономного района Внутренняя Монголия КНР // Проблемы востоковедения. 2017. № 1 (75). С. 52–56.

- ЭСТЯ — Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ» / авт. Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М. : Языки рус. культуры, 1997.
- EDAL — *Starostin S., Dybo A., Mudrak A.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden ; Boston : Brill, 2003.
- Poppe N.* On some suffixes of plant names in Mongolian // *Zentralasiatische Studien* 15. Sonderdruck, 1981. P. 383–390.
- Vangčin.* Sin-e баруу жегүн qosiyun-u җаҗар usun. Tüngliyuu : Hüng čeng keblel, 2015.

Рукопись поступила в редакцию 18.02.2019

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

бурят. барг.	баргузинский говор бурятского языка	общеслав.	общеславянский язык
		ойр. Синьцз.	язык ойратов Синьцзяна
даг.	дагурский язык	орд.	ордосский язык
к.-балк.	карачаево-балкарский язык	п.-монг.	старописьменный монгольский язык
кум.	кумыкский язык	ср.-монг.	средневековый монгольский язык
монг.	халха-монгольский язык		
монгор.	монгорский язык		

* * *

Сундужева Екатерина Владимировна
 доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
 E-mail: sundueva@mail.ru

Sundueva, Ekaterina Vladimirovna
 DrHab, Chief Research Fellow, Department of Linguistics
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS
 6, Sakhianova Str., 670047 Ulan-Ude, Russia
 Email: sundueva@mail.ru

Ekaterina V. Sundueva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russia

PHYTOTOPONYMS OF THE BARGUTS OF SOUTH-EAST OF CHINA

The paper deals with the names of plants, constituent units of compound geographic names attested in the territory of the urban district of Khulun-Buir (New Barga Eastern khoshuu, New Barga Western khoshuu, and Old Barga khoshuu) which is situated in the north-eastern part of the Autonomous Region Inner Mongolia of the People's Republic of China. The analysis

of phytonyms' internal form leads the author to conclude that visual perception of the plants plays the leading role in the process of their naming. In this logic, feather grass and sedge received their names due to the sticking-out and long stalks, willow was entitled due to a curly crown, and pea shrub — for its sharp spines. The local hydrographic term *üyet* 'piece of water' is revealed. It originated by metaphorical transfer from the plant name *üyet* 'saltmarsh-grass'. The Bargut orographic term *quryalj* 'defiladed hollow' is a homonym of the plant named *quryalj* 'low love grass' but these happen to go back to different etymons: the orographical term is connected with the verb **qury-* 'to disappear, hide' while the phytonym derives from a figurative root **qury* 'something long, extended'. It is revealed that phytonyms (as the main component of compound geographical names) generally designate a forest or an underbrush. Only the word *khailaas* 'elm' is used to define a separate tree. Such trees are believed to have their own spirits or masters, and therefore, as a rule, serve as objects of honoring described in multiple legends of Bargut folklore. The study of phytonyms can provide information on the dynamics of Mongolian peoples' migration and settlement at the northeast of China, the way they transformed the geological system and formed the picture of the physically and spiritually reclaimed space.

Key words: Mongolic languages, Barguts, phytonym, toponym, determinative, meaning, naming, sign, cognition.

Acknowledgements

The research was carried out within the state assignment (project "Mentality of the Mongolian people in the mirror of language", № AAAA-A17-117021310266-8).

- Afanasyeva, E. V. (2006). *Istoricheskie svyazi buriatskogo i bargutskogo iazykov (na primere fonetiki i grammatiki)* [Historical Connections of the Buryat and Bargut Languages (Phonetics and Grammar)]. Ulan-Ude: Izd-vo Buriat. gos. un-ta.
- Dambuev, I. A. (2017). Osnovnye topoosnovy v toponimii Buriatii (na materiale russkogo i buriatskogo iazykov) [The Main Toponymic Stems in the Toponymy of Buryatia (Based on the Material of the Russian and Buryat Languages)]. In B. V. Bazarov (Ed.), *Mir Tsentral'noi Azii — 4* [The World of Central Asia. 4] (pp. 420–428). Irkutsk: Ottisk.
- Dorzhieva, G. S. (2011). Fitotoponimy Kvebeka: lingvokul'turnaia kharakteristika [Phytotoponyms of Québec: Linguistic and Cultural Features]. *Vestnik Buriatskogo universiteta*, 11, 36–41.
- Levitskaya, L. S., Dybo, A. V., & Rassadin, V. I. (1997). *Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov. Obshchetiurkskie i mezhtiurkskie leksicheskie osnovy na bukvy "K", "K"* [The Etymological Dictionary of Turkic Languages. General Turkic and Inter-Turkic Lexical Stems Beginning with K, K]. Moscow: Iazyki rus. kul'tury.
- Markova, E. M. (2008). Praslavianski nazvaniia derev'ev kak otrazhenie fragmenta iazykovoi kartiny mira slavian [The Proto-Slavic Names of Trees as a Reflection of a Fragment of the Slavic Linguistic Picture of the World]. *Acta Linguistica*, 2, 1, 37–45.
- Poppe, N. (1981). On Some Suffixes of Plant Names in Mongolian. *Zentralasiatische Studien*, 15, 383–390.
- Rassadin, V. I. (2010). Kompleks leksiki nomadnogo skotovodstva mongol'skikh iazykov v svete tiurko-mongol'skikh iazykovykh svyazei [The Vocabulary Complex of Nomadic Cattle Breeding of the Mongolian Languages in the Light of the Turkic-Mongolian Language Ties]. *Voprosy filologii. Seriya "Uralo-altaiskie issledovaniia"*, 1, 32–38.
- Starostin, S., Dybo, A., & Mudrak, A. (2003). *Etymological Dictionary of the Altaic Languages*. Leiden; Boston: Brill.

- Sundueva, E. V. (2015). Nazvaniia form otritsatel'nogo rel'efa v iazyke bargutov severo-vostoka Kitaia [Names of Negative Forms of Topography in the Language of the Barguts of Northeast China]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 10(1), 84–87.
- Sundueva, E. V. (2017). Hidrograficheskaia terminologija v toponimii novykh bargutov avtonomnogo raiona Vnutrenniaia Mongolija KNR [Hydrographic Terminology in the Toponymy of the New Barguts of the Inner Mongolia Autonomous Region of China]. *Problemy vostokovedeniia*, 1(75), 52–56.
- Tenishev E. R. (2001). (Ed.). *Sravnitel'no-istoricheskaia grammatika tiurkskikh iazykov. Leksika* [Comparative Historical Grammar of Turkic Languages. Vocabulary]. Moscow: Nauka.
- Vangč'in (2015). *Sin-e baryu jegün qosiyun-u yajar usun* [Toponymy of the East Khoshuu of the New Barga People]. Tongliao: Hūng čeng keble.
- Zoriktuev, B. R. (2018). Ob obrazovanii etnosa novye barguty na severo-vostoke Kitaia [On the Formation of New Bargut Ethnos in Northeast China]. *Oriental Studies*, 35(1), 105–112.

Received 18 February 2019